

Фрэнсис Брет Гарт

Удивительная шайка

Фрэнсис Брет Гарт

Удивительная шайка

Серия «Повести-пародии»

Аннотация

«Это было скромное селение в Новой Англии. Нигде в долине Коннектикута осеннее солнце не освещало более мирной, идиллической и промышленной общины. Мушкатные орехи медленно созревали на деревьях, а белые сыры для употребления жителей Запада постепенно округлялись под твердою трудолюбивою рукою американского ремесленника. Честный коннектикутский фермер спокойно собирал в своей житнице черные бобы, которые, если мешать их с овсяною мукою, составляют приятную замену пищи в цивилизованной Европе. Все было тихо, точно в воскресенье. Доэмовиль был всего в семи милях от Гартфорда, и окрестный ландшафт был весел – от убеждения, что он вполне застрахован от нападения...»

Содержание

Фрэнсис Брет Гарт

Удивительная шайка, или Мальчик-Атаман, Юный Политик и Чудо-Пират

Это было скромное селение в Новой Англии. Нигде в долине Коннектикута осеннее солнце не освещало более мирной, идиллической и промышленной общины. Мушкатные орехи медленно созревали на деревьях, а белые сыры для употребления жителей Запада постепенно округлялись под твердую трудолюбивую рукою американского ремесленника. Честный коннектикутский фермер спокойно собирал в своей житнице черные бобы, которые, если мешать их с овсяною мукою, составляют приятную замену пищи в цивилизованной Европе. Все было тихо, точно в воскресенье. Доэмвиль был всего в семи милях от Гартфорда, и окрестный ландшафт был весел – от убеждения, что он вполне застрахован от нападения.

Немногие поверят, что это мирное селение было родиною трех юных героев, о подвигах которых поговорим впоследствии – но мы забегаем вперед.

Досивильская академия была главным ученым собранием в стране. Под серьезным и мягким управлением почтенно-

го доктора Контекста, она достигла вполне заслуженной популярности. Однако, с годами усилившиеся недуги старости принуждали доктора во многом доверяться своим помощникам, которые, нечего и говорить, злоупотребляли его доверенностью. В скором времени их грубая тирания и полное недоброжелательство сделалась явными. Мальчиков положительно заставляли учить их уроки. Трудно поверить столь отвратительному факту, но во время учебных занятий ученикам приказывали сидеть на местах по крайней мере с наружным видом дисциплины. Можно вполне верить свидетельству того, кто утверждал, что было запрещено катать по полу шары от крокета во время урока, – под дьявольским извинением, что это мешает занятиям. Было запрещено бить стекла мячами и бить палками младших школьников. Ко всему этому младшие учителя, напыщенные и дерзкие, благодаря своей победе, сбросили маски и показали в своем настоящем свете. Во время молитвы изо рта приходящего ученика была вынута сигара! Из ящика у другого вынули бутылку с водкой и выбросили за окно. И наконец бесчестие, Кража со взломом, Воровство и Ложь почти впали в уныние.

Могло ли американское юношество, сознавая свою силу и имея собственную литературу, покорно смириться перед этою тиранниєю? Никогда! Мы твердо это повторяем. Мы повторяем это родителям и опекунам. Никогда! Но злобные гувернеры, счастливые и довольные, мало знали о том, что происходило в холодной рассудительной голове Чарльса

Франсиса Адамса Голойтли, десяти лет от роду; почему рот Беньямина Франклина Дженкинса, семи лет, складывался в презрительную усмешку; или какой огонек горел в смелых, голубых глазах Бромлея Читтерлиигса, шести с половиною лет от роду, когда они все трое сидели во время отдохновения в углу места, предназначенного для детских игр. Их единственный товарищ и поверенный был негр, школьный привратник, известный под именем «Пирата Джима».

Прозвище было дано ему верно, как это ясно видно по его прежней бурной карьере, в которой он открыто признался своим благородным молодым друзьям. Раб в семнадцать лет, в двадцать лет предводитель возмущения на африканском берегу, потом корсар в последнюю войну с Англией, в двадцать пять лет он командовал брандером и единственный уцелел на нем; он вел дикую кипучую жизнь настоящего пирата, до тех пор, пока восстание не призвало его снова на службу гражданина, а наступивший мир и стремление в сельской тиши заставили его принять место привратника в доэмовильской академии, где вопросов не задавали и рекомендаций не требовали – он был без сомнений достойный ментор для наших смельчаков. Хотя он уже перешел за границы лет, обыкновенно полагаемых пределом жизни человека, – сосчитав различные эпизоды его карьеры, ему должно было быть около ста пятидесяти-девяти лет, – но на вид он был еще не стар, все еще здоров и силен.

– Да, – продолжал критическим тоном пират Джим: – я не

думаю, чтобы он был выше вас ростом, мистер Читердингс, да был ли он еще вашего роста, когда стоя на палубе моего корабля он убил выстрелом капитана корабля Восточной Индии. Мы называли его маленький Вивильс, он был так мал. Но бог с вами, мальчуганы! он ничего был в сравнении с маленьким Самми Бардо, который пробрался в каюту капитана на русском фрегате и поразил его ножом прямо в сердце, затем надел мундир капитана и его шляпу с перьями, и принял начальство над кораблем.

– Не было ли платье капитана для него велико? – спросил Б. Франклин Дженкинс заботливо.

Привратник взглянул на Дженкинса с оскорбленным достоинством.

– Не сказал ли я, что русский капитан был человек очень маленького роста; русские – малы ростом, как и греки.

Благородный восторг горел в глазах юных героев.

– Был ли Барло так же велик, как я? – спросил Ч. Ф. Адамс Голэйтли, отбрасывая назад кудри с своего юпитеровского чела.

– Да, у него, так сказать, была опытность. Слухи ходили, что он уходил своего школьного учителя прежде, нежели, пошел в море. Но это пустая болтовня, друзья мои.

Голэйтли вытащил из своей куртки фляжку и подал ее привратнику. Это была самая лучшая водка его отца. Это тронуло сердце честного старого моряка.

– Бог да благословит тебя, мой мальчик-пират – сказал он,

задыхаясь от волнения.

– Я достал немного табаку, – сказал молодой Дженкинс, – но он мелко нарезан; теперь я только его употребляю.

– Я могу купить все, что нужно в мелочной лавке на углу, – сказал пират Джим: – но я оставил свое портмоне дома.

– Возьмите эти часы, – сказал молодой Голэйтли, – это отцовские. С тех пор, что он стал тираном и завладел чужою собственностью и заставил меня поступить в шайку корсара, я начал с того, что разделил нашу собственность.

– Это все пустяки, – сказал задорно колодой Читтерлингс. – Каждая минута дорога. Время ли теперь заниматься вином и бражничать? Ха, нам нужно дела – дела! Мы должны сегодня ночью сражаться за свободу – и, именно в эту ночь. Шкуна уже на якоре у мельничной плотины, нагруженная провизией для трех-месячного плавания. У меня черный флаг в кармане. К чему же откладывать, ведь это трусость?

Двое старших мальчиков с легким чувством стыда и страха взглянули на разгоревшиеся щеки и высоко поднятую голову с торчащим хохлом волос младшего товарища – блестящего, красивого Бромлея Читтерлингса. Увы! эта минута забывчивости и обоюдного восхищения была исполнена опасности. К ним подошел худой, болезненный, полуголодный учитель.

– Молодые люди, вам пора приняться опять за ваши занятия, – сказал он с сатанинскою вежливостью.

То были его последние слова на земле.

– Долой, тиран! – воскликнул Читтерлингс.

– Sic ему – я хочу сказать «sic semper tyrannie!» – сказал классик Голэйтли¹.

Тяжелый удар в голову палкой и деревянный шар, быстро брошенный в его пустой желудок, замертво уложили на полу учителя. Голэйтли вздрогнул.

Пусть мои молодые читатели не осудят его слишком поспешно. Это было его первое убийство.

– Обыщите его карманы, – сказал практический Дженкинс.

Они это исполнили и не нашли ничего кроме каталога Гарварда за три года.

– Бежим, – сказал Дженкинс.

– Вперед в лодкам! – воскликнул энтузиаст Читтерлингс.

Но Ч. Ф. Адамс Голэйтли в раздумье стоял, глядя на лежащего учителя.

– Вот, – сказал он спокойно, – результат слишком свободного правления и нашей школьной системы. Страна требует реформ. Я не могу отправиться с вами.

– Изменник! – воскликнули остальные.

Ч. Ф. А. Голэйтли грустно улыбнулся.

– Вы меня не знаете. Я не сделаюсь пиратом, а членом конгресса!

Дженкинс и Читтерлингс побледило.

– Я уже организовал два собрания в кегельном клубе, и

---

¹ Он повторяет известные слова убийцы Линкольна.

подкупах делегатов другого клуба. Нет, не отвращайтесь от меня. Будем друзьями, преследуя различными путями одну общую цель. Прощайте! – Они пожали друг другу руки.

– Но где Пират Джим? – спросил Дженкинс.

Он на минуту покинул нас, чтобы получить деньги за заложенные часы для покупки вооружения для шкуны. Прощайте!

Таким образом рассталась эта честная, молодая голова, исполненная блестящих надежд.

В ту ночь был страшный пожар в Довмвиле. Довмвильская академия, тайно подожженная, первая сделалась жертвою пламени. Магазин сахару и склад сигар, имевшие большие счета с академией, сгорели следом за нею. При свете огненных языков, оснащенная шлюбка с одною мачтою медленно выходила от мельничной плотины. На следующий день не нашли трех мальчиков – Ч. Ф. Адамса Голэйтли, Б. Ф. Дженкинса, и Бромлея Читтерлингса. Не погибли ли они в пламени? Кто мог это знать? Достаточно того, что они никогда более не появлялись в домах своих предков под этими именами.

Хорошо было бы действительно для Доэмвиля, если бы тайна тем и кончилась. Но более грустное и скандальное событие совершилось в мирном селении. В эту ужасную ночь кто-то украдкой посетил пансион мадам Бринборион и на другое утро заметили, что две первые красавицы и наследницы в Коннектикуте, дочери президента сберегатель-

ной кассы и директора страхового общества – бежали. Вместе с ними исчезли также все вклады сберегательной кассы, а на другой день страховое общество от огня «Фламинго» лопнуло.

* * *

Теперь, молодые читатели, поплывем со мною в более теплые и приветливые страны. Вдоль берегов Патагонии горделиво плывет длинная, низкая, черная шкуна по морю, омывающему берега этой роскошной страны, покрытые виноградниками. Кто это, завернутый в персидские ковры и богато одетый, спокойно возлежат на кварталер-деке шкуны, небрежно играя чудными местными плодами, которые держат перед ним рабы-нубийцы в корзинах из массивного золота? или по временам, смело и грациозно управляет велосипедом из слоновой кости по полированной палубе темного ореха, ловко проходя между такелажем? Кто он? можно спросить. Чье имя наводит ужас на патагонский флот? Кто как не Чудо-Пират – неутомимой юноша, бич патагонских морей? Путешественники, медленно дрейфующие у силурийских берегов, моряки, плавающие вдоль девонского берега, до сих пор дрожат при имени Бромлея Читтерлинга – юноши мстителя недавно прибывшего из Гартфорда, в Коннектикуте.

Многие из пустого любопытства спрашивали: Зачем и че-

го мститель? Не будем открывать страшной тайны, сокрытой в молодой душе. Достаточно, что было много горечи в его прошлой жизни и что те, «чьи душа болит над поднимающейся волной»² или «чья душа подымается над белеющей волной», не поняли этого. Только одна королева амазонок, взятая в плен на прошедшей неделе, знала его, может быть, слишком хорошо. Она любила Юношу Мстителя. Но напрасно; его молодое сердце, казалось, очерствело.

– Выслушай меня, – сказал он наконец, когда она уже в седьмой раз безумно предлагала ему свою руку и королевство, – знай раз навсегда, почему я должен отказаться от твоего лестного предложения. Я люблю другую.

С диким, отчаянным криком она прыгнула в море, но была тотчас же спасена Чудо-Пиратом. И даже в эту знаменательную минуту он был так холоден, что прежде, чем вынырнуть из воды, он поймал сирену и отдал ее под стражу своего управителя, с приказанием дать ей комнату и приготовить горячей и холодной воды, спокойно сел на свое прежнее место подле Амазонки. Когда дверь затворилась за его верным слугою, принесшим шампанское и мороженое интересной незнакомке, Читтерлинг снова продолжал свой рассказ сдавленным голосом:

– Когда я впервые бежал из-под кровли деспота-отца, я был влюблен в прекрасную и образованную Элизу Дж. Сниффен. Отец её был президентом сберегательной кассы

---

² Whose soul would sicken o'er the heaving wave.

рабочих, и отлично знал, что со временем все клады будут его собственностью. Но как глупец я хотел предупредить события и в минуту дикого безумия уговорил мисс Сниффен бежать со мною; и забрав все наличные деньги кассы, мы бежали. – Он остановился от одолевшего его волнения. – Но судьба решила иначе. В моей лихорадочной поспешности я забыл поместить в складах моего судна особого качества шоколадную карамель, которую очень любила Элиза Джен. На другой день мы должны были остановиться у Новой Рошели, чтобы дать возможность мисс Сниффен достать эти лакомства у ближайшего кондитера и подобрать гарусу в первом модном магазине. Роковая ошибка. Она пошла – и более не вернулась! – Через минуту он продолжал сдавленным от волнения голосом. – Прождав томительную неделю, я должен был опять пуститься в море, унося с собою разбитое сердце и сознание, что касса её отца лопнула. С тех пор я больше не видал ее.

– И вы все-таки любите ее? – спросила пылко королева амазонок.

– О, навеки!

– Благородный юноша. Вот тебе награда за твою верность: узнай, Бромлей Читтерлингс, что я – Элиза Джен. Утомившись ожиданием, а села на корабль с перуанским гуано, – но это длинная история, милый мой.

– И слишком прозрачна, – сказал Юноша Мститель, высвобождаясь решительно из её объятий. – Элизе Джен год

тому назад было только тринадцать лет, а тебе без малого сорок.

– Правда, – грустно возразила она, – но и много страдала, а время течет быстро, и я выросла. Ты с трудом поверишь, что это все мои волосы.

– Не знаю, – возразил он мрачно и рассеянно.

– Прости мне мой обман, – сказала она. – Если ты помолвлен с другою, дозвожь мне, по крайней мере, быть тебе матерью.

Чудо-Пират был поражен, слезы выступили у него на глазах. Сцена была в высшей степени трогательная. Многие из старейших моряков – люди, присутствовавшие при сценах самых ужасных страданий, не пролив ни слезинки и не меняясь в лице – при виде этой сцены удалились в винный погреб, чтобы скрыть свое волнение. Немногие сгруппировались на палубе и вернулись с просьбою, чтобы отныне королеве Амазонок было дано наименование «королевы Острова Пиратов».

– Мать! – вымолвил Чудо-Пират.

– Сын мой! – воскликнула королева Амазонок.

Они обнялись. В ту же самую минуту на квартал-деке слышался громкий шум от падения тела. То была забытая сирена; она вышла из своей каюты и взойдя в кают-компанию в эту минуту, упала в обморок при этом зрелище. Чудо-Пират бросился в ней с флаконом солей.

Она медленно пришла в себя. – Позволь мне, – сказала

она, приподнимаясь с достоинством, – покинуть корабль. Я не привыкла к подобному поведению.

– Выслушай меня – ведь она моя мать!

– Она, конечно, может быть ею, – возразила сирена, – и может говорить, что у неё свои волосы, – прибавила она поправляя с замечательной грацией при помощи гребня и маленького ручного зеркала свои собственные роскошные косы.

– Если бы я не была в состоянии иметь одежды, я бы носила хвост! – прошипела королева Амазонок. – Полагаю, ты не красишь их, боясь соленой воды? Но, может быть, ты предпочитаешь зеленые, моя милая?

– Немного соленой воды исправило бы твой цвет лица, голубушка.

– Рыба-женщина! – закричала королева Амазонок.

– Фокусница! – крикнула сирена.

И они сцепились одна с другою.

– Бунт! За борт обеих! – скомандовал Чудо-Пират, став на высоту событий и отбросив в сторону всякую человеческую привязанность в минуту опасности.

Принесли доску и на нее поместили обеих женщин.

– Я после вас, – сказала значительно сирена королеве Амазонок: – вы старшая.

– Благодарю вас! – оказала королева Амазонок, отступая назад. – Рыбу всегда подают на первое блюдо.

С диким криком ярости оскорбленная сирена схватила ее

и прыгнула с нею в море.

Когда пучина скрыла их навсегда, Чудо Пират вскочил. – Поднимите черный флаг и плывем в Новый Лондон, – гаркнул он голосом, похожим на трубный звук. – Ха! ха! Морской разбойник опять на свободе!

Действительно, это была правда. В ту роковую минуту он высвободился от пут человеческих привязанностей и снова стал Юношей-Мстителем.

* * *

Опять я должен просить моих читателей сесть на моего крылатого коня и поспешить со мною на почти недосыгаемые вершины Скалистых гор. Там, многие годы, шайка суровых и непокорных дикарей, известных под именем Голубиных Лапок, сопротивлялись законам и библиям цивилизации. В продолжении многих лет тропинки, ведущие к их лагерю, обозначались костями возчиков и сломанными телегами, а на деревьях были развешаны скальпы, снятые с голов женщин и детей. Самые храбрые военачальники не решались атаковать их в их укреплениях; они предусмотрительно не трогали ножей для снятия скальпов, винтовок, пороху и зарядов, доставленных любящим правительством для их благосостояния и разбросанных вокруг укрепленного лагеря, с требованием не употреблять в дело все это оружие, покуда военные не удалятся безопасно. Доселе, исключая случайно-

го нападения на землю Нок-низ, враждебного племени, они грабили только окрестность.

Но недавно с ними произошла несчастная перемена. Действуя под чьим-то дурным влиянием, они пошли войною в селения белых, неся с собою пожары и смерть. Несколько раз правительство предоставляло им свободно удалиться в Вашингтон и даже предлагало снять с них фотографии, но под тем же дурным влиянием, они отказались. В их способности нападения была какая-то особенная таинственность. Они всегда жгли школьные здания, школьных учителей брали в плен и о них более никогда не слыхали. Вагон-дворец железной дороги Тихого Океана, в котором помещалась партия учителей, направлявшихся в Сан-Франциско, был окружен, путешественники взяты в плен, и они никогда более не заняли своих вакансий в списках школ. Совет экзаменаторов, направлявшихся в Чиэн, был тоже захвачен и члены его вынуждены были среди страшных пыток давать ответы на вопросы, которые они сами ранее предлагали. Эти зверства стали приписывать наконец дурному влиянию нового атамана шайки. До сих пор знали о нем только по его зловещим прозвищам: «молодой человек, ищущий своего учителя», и «поднявший волосы дыбом у школьного начальства». Говорили, что он очень мал и чрезвычайно моложав на вид. Действительно, его прежнее наименование: «вытирающий себе нос рукавом», было дано ему, как говорили, чтобы обозначить его все еще детские привычки.

Ночь царила в лагере и над жилищами дикарей. Краснокожие девушки порхали между лагерных огней подобно ночным бабочкам, варили вкусный горб буйвола, жарили ароматное мясо медведя и приготавливали тушеные бобы, чтобы накормить храбрецов. Для немногих избранных были особо приготовлены сочные стрекозы как редкое блюдо, хотя гордая спартанская душа их атамана пренебрегала подобными взысканными яствами.

Он сидел один в своем вигваме, ему прислуживала одна миловидная Мушимуш, самая красивая из девушек у Голубиных Лапок. Ни у кого нельзя было так ясно видеть особенную черту её замечательного племени, как глядя на её маленькие ножки, когда она переступала ими. Достаточно было одного взгляда на атамана, чтобы убедиться в истине ходивших слухов относительно его молодости. Ему было около двенадцати лет, он держал себя прямо и гордо и был с головы до ног одет в пестрые покрывала, вырезанные фестонами, что давало ему вид перочистки сверхъестественной величины. Громадное орлиное перо, вырванное из крыла голого орла, пытавшегося раз унести его, довершало его наряд. Это было также воспоминанием его храброго, сверх сил человеческих подвига. Он, без сомнения, скальпировал бы орла, но природа уже предупредила его.

– Почему задумчив великий атаман? – сказала кротко Мушимуш. – Не жаждет ли все еще душа его крови бледнолицых учителей? Неужели скальпирование двух профессо-

ров геологии из Ельской партии исследователей не успокоило вчера его сердце война? Разве он забыл, что той же участи ожидают Гарденер и Кинг? Не должна ли завтра сама его Мушимуш доставить ему ботаника? Говори, молчание моего брата давит мне сердце подобно снегу на горах и задерживает поток моей речи.

Но гордый Мальчик-атаман все хранил молчание. Вдруг он произнес: Цыц! и встал. Он взял с полу длинную винтовку и нацелился. Ровно в семи милях оттуда на откосе горы виднелась фигура человека, ходившего взад и вперед. Мальчик-Атаман прицелился и выстрелил. Человек упал.

Послали разведчика, чтобы скальпировать и обыскать мертвого. Посланный сейчас же вернулся.

– Кто был бледнолицый? – строго спросил атаман.

– Агент общества страхования жизни.

Атаман нахмурил брови.

– Я думал, что это разносчик книг.

– Почему сердце моего брата болит о разносчике книг? – спросила Мушимуш.

– Потому, – сказал свирепо Мальчик-атаман, – я опять без моего романа – я думал, что у него он найдется в связке. Слушай меня, Мушимуш. Почта Соединенных Штатов не приносить мне более ни моей *Юной Америки*, ни моего еженедельного *Журнала для юношей и девиц*. Я нахожу невозможным даже с моими самыми верными разведчиками выносить управление генерала Говарда и наполнять мою библиотеку

из телеги маркитанта. Без нового романа или *Юной Америки*, как могу я поддерживать дело Индии?

Мушимуш на минуту погрузилась в раздумье. Затем она гордо подняла голову.

– Брат мой сказал. Хорошо. Он получить желанный роман. Он узнает, что может устроить его сестра Мушимуш.

Она встала и, легко припрыгивая подобно козочке, вышла.

Через два часа она вернулась. В одной руке она держала три маленьких скальпа с белокурыми волосами, в другой – книжку «Юноша Мародер», в одном томе, цена десять центов.

– Трое бледнолицых детей, – с трудом проговорила она, – читали его сидя на наружной части повозки переселенцев. Я тихо подошла к ним. Родители их еще ничего не знают о случившемся, – и она без сил упала к его ногам.

– Благородная девица! – сказал Мальчик-атаман, гордо взглянув на девушку, лежавшую у ног его: – и этих людей военный деспотизм думает покорить!

* * *

Захват нескольких повозок, нагруженных водкою для провиантмейстера, и уничтожение двух тонн письменных принадлежностей, предназначенных для главнокомандующего, что помещало его постоянной переписке с военным

департаментом, наконец пробудило от бездействия военные власти Соединенных Штатов. Масса войска была сосредоточена перед лагерем Голубиных лапок; каждый час ждали атаки.

– Покажите ваши сапоги, сэр?

Это говорил юноша, бедно одетый, стоя у отверстия палатки главнокомандующего.

Генерал поднял голову, он был занят перепискою.

– А, – сказал он, взглянув на бедняка, – вижу, в чем дело; я напишу, что применения цивилизации идут постепенно вперед вместе с войском. Да, – прибавил он, – вы можете вычистить мои ботфорты. Вы, однако, понимаете, что для того, чтобы получить вашу плату...

– Нужно подать прошение генеральному комиссару, засвидетельствовать его у квартирмейстера, закрепить подписью адъютанта, а тогда вы представите его в военный департамент...

– Вижу, вы умный, размышляющий юноша – заметил мягко генерал. Я надеюсь, вы не пьете водки, не курите табак, ни во что не посвящены?

– Я обещал моей дорогой матери...

– Довольно! ступайте с вашею ваксою; ровно в восемь часов я должен вести атаку на Голубиных лапок. Теперь половина восьмого, – сказал генерал, смотря на большие кухонные часы, стоявшие в углу палатки.

Маленький чистильщик сапог поднял глаза: генерал по-

грузился в свою корреспонденцию. Чистильщик сапог вынул из кармана трубочку, с замазкою, верно нацелил ее, и дунул: замазка попала прямо в минутную стрелку часов и остановила ее. Он продолжал чистить сапоги, однако по временам останавливался, чтобы взглянуть на план сражения, разложенный на столе у генерала; ему наконец помешал вошедший офицер.

– Все готово в атаке, генерал. Теперь восемь часов.

– Не может быть! Только половина восьмого.

– Но на моих часах и на всех часах в штабе...

– Они проверяются моими кухонными часами, которые уже много лет живут в моей семье. Довольно! теперь только половина восьмого.

Офицер удалился; мальчик окончил чистку одного сапога. Явился другой офицер.

– Вместо того, чтобы нам нападать на неприятеля генерал, на нас нападают. Наши пикеты уже отброшены.

– Военные пикеты не отличаются от других пикетов, – сказал скромно мальчик. – Чтобы стать твердо, их нужно было отбросить.

– Ха! это что-то значит, – сказал задумчиво генерал. – Кто вы такой, что так говорите!

Вытянувшись во весь рост, чистильщик сапог сбросил покрывавшие его лохмотья и предстал в образе Мальчика-атамана Голубиных лапок.

– Измена! – заорал генерал; – прикажите выступить по

всей линии.

Но напрасно. Он тотчас же упал под боевою секирою Мальчика-атамана; прошло еще четверть часа, и войско Соединенных Штатов было рассеяно! Так окончилась битва при Бутблек-крике.

* * *

И тем не менее Мальчик-атаман не был счастлив. Действительно, по временам он серьезно думал о том, не принять ли ему приглашение, сделанное старшим вождем в Вашингтоне тотчас же после избиения его солдат, и снова опять посетить цивилизованные края. Душа его лихорадочно мучилась от бездействия; школьные учителя уже приелись ему; он ввел между своими подданными, индейцами игры в кегли, волан, солитер и волчок, — но эти игры плохо принимались. Женщины просверливали шарики солитера и носили их вместо ожерелья; а его воины набивали на палки волана гвозди и употребляли вместо оружия. Он не мог не сознавать, что как ни была прелестная Мушимуш привязана к своему белому брату; тем не менее её познания в кулинарном искусстве были весьма слабы. её пироги с мясом были отвратительны; а приготовленное ею варенье гораздо ниже по достоинству того, которое делала его тетка Салли в Доэмовилле. Только непредвиденный случай не дал ему предаться крайностям лет и сибаритизму или сделаться циником. Дей-

ствительно, в двенадцать лет, жизнь уже ему опротивела.

Он вернулся в свой вигвам после утомительной охоты на буйволов, в которой он убил собственноручно двести семьдесят-пять буйволов, не считая того буйвола, на котором он ехал верхом, чтобы попасть в стадо, и затем привел пленным в лагерь в подарок прелестной Мушимуш. Он скальпировал двух верховых нарочных и одного корреспондента «New York Herald'a»; он ограбил почтовую станцию, забрав множество денежных повесток, что дало ему возможность вытянуть с правительства двойные платежи, и теперь лежа на медвежьей шкуре, курил, размышляя о суетности человеческих усилий, как вошел его разведчик, говоря, что какой-то бледнолицый юноша желает его видеть.

– Не комиссионер-ли? Если да, скажи, что краснокожий переселяется поспешно в счастливые места, принадлежавшие его отцам, для охоты, и теперь жаждет только мира, одежды, и аммуниции, получи последнее и затем скальпируй комиссионера.

– Но это просто юноша, который желает свидания.

– Не похож ли он на агента страхового общества? Если да, скажи, что у меня уже есть страховые полисы от трех обществ в Гартферде. Между тем приготовь кол и досмотри за тем, чтобы женщины были готовы с орудиями пытки.

Юношу ввели; по-видимому, он был вдвое моложе Мальчика-атамана. Когда он вошел в вигвам и предстал пред очами вождя, они оба были поражены. Затем – бросились друг

другу в объятия.

– Дженки, товарищ!

– Бромлей, приятель!

Б. Ф. Дженкинс, – ибо таково было имя Мальчика-атамана, – первый пришел в себя. Обратись к своим воинам, он с гордостью сказал:

– Пусть дети мои удалятся, пока я беседую с агентом нашего великого отца в Вашингтоне. Отныне вигвамы воинов не будут более снабжены карманными ключами. Не нужно поощрять того, чтобы воины поздно отходили ко сну.

– Как! – спросили воины, но немедленно удалились.

– Говори тихо! – сказал Дженкинс, отводя в сторону приятеля: – здесь меня знают только как Мальчика-атамана Голубиных Лапок.

– А я, – сказал с гордостью Бромлей Читтерингс, – известен повсюду как Чудо-Пират, Юноша-мститель берегов.

– Но как пришел ты сюда?

– Слушай! Мой пиратский бриг, «Прелестная Сирена», стоит теперь в гавани Меггс в Сан-Франциско, под видок судна со всяким хламом. Мой экипаж, пираты сопровождали меня сюда в вагоне-дворце из Сан-Франциско.

– Это должно было стоить дорого, – сказал осторожный Дженкинс.

– Оно было бы дорого, но они уплатили расходы, сделав сбор с других пассажиров – ты понимаешь. Завтра все газеты будут только об этом толковать. Ты получаешь «New York

Sun»?

– Нет! я не люблю его политику относительно Индии. Но зачем ты пришел сюда?

– Слушай меня, Дженк. Это длинная и грустная история. Прелестная Элиза Дж. Сниффень, бежавшая со мною из Доэввиля, была схвачена её родителями и вырвана из моих объятий в Новой Рошели. Впоследствии я узнал, что Элиза Джен Сниффен, обеднев вследствие банкротства сберегательной кассы, где отец её был президентом, – чему я много способствовал и воспользовался большею частью вкладов, – должна была сделаться школьною учительницею и уехала на место в учебное заведение в Колорадо, и с тех пор о ней ничего не слышно.

Почему Мальчик-атаман так побледнел и схватился за древко шатра, чтобы не упасть? почему его?

– Элиза Джен Сниффенс, – еле дыша проговорил Дженкинс, – четырнадцати лет, с рыжими волосами и с легкой наклонностью к косоглазию?

– Именно она.

– Боже, помоги мне! Она умерла по моему приказу!

– Предатель! – воскликнул Чиперлингс, бросаясь с кинжалом на Дженкинса.

Но между ними кто-то стал. Легкая грациозная Мушимуш, с распростертыми руками бросилась между рассвирепевшими Чудо-Пиратом и Мальчиком-атаманом.

– Остановись, – связала она строго Чиперлингсу: – ты не

знаешь, что делаешь.

Юноши остановились.

– Выслушай меня, – сказала она поспешно. – Когда Э. Дж. Сниффен была захвачена в кондитерской Новой Рошелли, она впала в бедность и решила сделаться школьной учительницей. Услыхав, что на западе открывается учебное заведение, она поехала в Колорадо, чтобы взять в свое ведение пансион m-me Шофли, из Парижа. По дороге туда ее взяли в плен эмиссары Мальчика-атамана...

– В исполнение моего рокового обета – иногда не щадить преподавателей, – прервал Дженкинс.

– Но во время захвата её в плен, – продолжала Мушимуш, – ей удалось вымазать себе лицо соком из ягод индейского плюща; она присоединилась к девушкам-индианкам и ее приняли за одну из их племени. Не будучи таким образом узнана, она смело вошла в милость Мальчика-атамана – насколько честно и преданно, он лучше её может сказать – потому что я, Мушимуш, покорная сестра Мальчика-атамана, и есть Элиза Джен Сниффен.

Чудо-Пират заключил ее в свои объятия. Мальчик-атаман, воздев руку, произнес:

– Благословляю вас, мои дети!

– Одного только недостает, чтобы это собрание было полно, – сказал Чиперлингс, немного помолчав, но неспешное появление раба не дало ему договорить фразу.

– Посланный от Великого Отца в Вашингтоне.

– Скальпируй его, – закричал Мальчик-атаман: – теперь не время для дипломатического пустословия.

– Мы и скальпировали его, но он настаивает на том, чтобы видеть тебя, и прислал свою визитную карточку.

Мальчик-атаман взял ее и громко прочел взволнованным голосом:

«Чарльс Франсис Адамс Голэйтли, бывший исполнитель Сената Соединенных Штатов и действительный комиссионер Соединенных Штатов».

Через минуту входил в вигвам бледный, окровавленный Голэйтли, как будто преждевременно облысевший, но все-таки холодный и разумный. Они бросились к нему на шею, прося у него прощения.

– Не говори более об этом, – сказал он спокойно: – подобные вещи должны и будут случаться при настоящей системе правления. История моя коротка. Достигнув политического влияния, при посредстве митингов, я сделался наконец исполнителем при сенате. Влиянием политических друзей, я был назначен секретарем комиссионера, которого я теперь и представляю. Через политических шпионов в твоём лагере, я знал, кто ты, а действуя на чувство страха в комиссаре, бывшем священнике, я легко побудил его отправить меня депутатом к тебе для совещаний. Поступив таким образом, я лишился кожи на черепе, но так как густые волосы – признак юности – мешали моему политическому возвышению, я нисколько не жалею о том. Когда я, еще молодой че-

ловек, буду уже плешивым, у меня будет более власти. Вот в нескольких словах условия, которые я имею предложить: можешь делать, что хочешь, идти куда желаешь, только оставь это место. У меня в кармане для тебя ассигновка в сто тысяч долларов на казначейство Соединенных Штатов.

– Но что мне делать с собою? – спросил Читтерлингс.

– О тебе уже подумали. Секретарь Штатов, очень умный человек, решил признать тебя *de jure* и *de facto* единственным представителем Патагонского правительства. Ты можешь безопасно ехать в Вашингтон, как чрезвычайный посол. Я обедаю на следующей неделе у секретаря.

– А ты сам, товарищ?

– Я желаю только, чтобы через двадцать лет от настоящего времени вы употребили свое влияние и свои голоса для избрания президентом Ч. Ф. А. Голэйтли.

Здесь кончается наш рассказ. Надеюсь, что мои милые молодые читатели извлекут из этих страниц пример или мораль, какие найдут более подходящими их родители и опекуны, я надеюсь в будущем описать дальнейшую карьеру этих трех юных героев, которых я представил благосклонному вниманию читателей в их ранней поре жизни.

«Вестник Европы», № 4, 1883